

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/38/28

Ю.С. Осаченко

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ КОНФИГУРАЦИЙ МАЛЬЧИШЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Рассматриваются проблемы мифологических аспектов конструирования мальчишеской идентичности. Они рассматриваются в контексте соотносительности с мифами детства, мифами гендера и мифами массовой культуры.

Ключевые слова: миф, мифологическое сознание, мальчишество, идентичность.

А. «Миф» – 1) в отличие от обыденного словоупотребления – не вымысел, не сказка, не идеологическая деформация или форма «ложного сознания». Миф – форма опыта «самоочевидности», определенного само-собой-разумеющегося образа реальности, опыта неотрефлексированного сознания (опыт воображения, поэтическое измерение разума), моделирующая мир как целое, приводящая мир в осмысленное наличие (опыт сознания тут понимается феноменологически как опыт различения, способ видения, понимания и структурирования действительности);

2) мифологемы (символы) и мифологии (повествования) как культурные императивы, жизненные сценарии или фреймы уменьшают «экзистенциальное беспокойство» повседневности, поскольку задают формы возможного (само-)понимания прошлого, настоящего и будущего (миф «побеждает время»);

3) мифы – формы жизни (индивидуальной и коллективной) определяют традицией (спасительной возможностью символизировать социальную и экзистенциальную жизнь, конструировать символическую вселенную).

Таким образом, мифическое имеет отношение к конструированию персональной и групповой идентичности.

Пространство культуры и динамичное социальное поле ныне утратили логическое единство, оно во многом децентрировано, диверсифицировано и полипарадигмально. Кризис культуры связан с тенденциями гипертрофированного индивидуализма, нарциссизма, свойственного человеку общества потребления.

С другой стороны, процессы глобализации приводят к унификации и «обезличиванию» культурного ландшафта, информационный взрыв и «футур-шок» [1. С. 466] – к утрате чувства «подлинности присутствия» и ностальгии по «потерянному основанию бытия». Противоречивые тенденции способствуют обострению присущих мифическому началу амбивалентности и метаморфизма, актуализации как его отчуждающе-манипулятивных, фетишистски-тотемистических рудиментов, так и интегративно-мобилизующих, компенсаторных механизмов социокультурной самоорганизации, реализации механизмов образования групповой и персональной идентичности, экзистенциального аутопойезиса, востребованно-

сти мифологических схем аутентичности в культуре и персональном способе существования «потерянного человека» (пост-)современности. В современных социокультурных условиях (виртуализация и эстетизация культурного пространства, аудио-визуальный взрыв, кризис идентичности, клиповое сознание, цинический модус социализации, инфантилизация массовой культуры) «мифическое» актуализировано, в том числе как основание конструирования идентичности.

По верной мысли Р. Барта, «мифом может быть все... ибо наш мир бесконечно суггестивен» [2. С. 265]. Миф – структура сознания, выразимая в имени и образе, отнюдь не любая, но синкретичная, констеллятивная [3. С. 44–45] неявно-сумеречная зона первичных различений, без отчетливого самосознания и рефлексии; образно-аффективная, захватывающая и «пленяющая» фаза переживания. В мифическом можно различить символическое (мифологическое) измерение, и его нелинейную корреляцию с измерением опыта (переживания, воображения, памяти, желания). Типы чувственности как перцептивности, аффективности, динамика приобщения к «мифическому пространству совместности» коллективного опыта, усвоения и присвоения архетипического пласта переживания – все это сложно организованное целое с большим трудом поддается концептуализации. Мифическое является фактом нашего личного опыта, воображения, памяти, аффекта и в то же время мифологическим фактором социальной жизни, традиций понимания, познания действия и коммуникации.

Мифическое как способ концептуализации и построения «картины мира», т.е. как особая активность сознания в его сопряженности с бессознательным, реализуется не только в архаике, но и активно функционирует в современности. Мифотворческая активность имманентна сознанию любой эпохи, реализуема не только в границах архаического или традиционного общества, но ярко проявляется в (пост-) современном социуме, в ситуации (пост-)секулярности. Особенности мифологического концептирования: построение гармоничной модели мира (бытия), целостной, завершенной, претендующей на тотальность объяснения всех насущных противоречий и конфликтов, исходя из обращенности к некоторым «вечным, вневременным основам», сакрализуемым и воспринимаемым безусловно, в качестве «самой реальности», задающей структуру жизненного мира и контекст экзистенциального самоосуществления. И осуществляться такого рода концептирование может на различных уровнях, в многообразных формах, на разном содержательном материале, что проявляется в имманентной смене фаз демифологизации и ремифологизации в социокультурной динамике.

С начала XX в. ремифологизация находит выражение в художественном творчестве, в идеологии и политике (миф «золотого века», реинкарнированный в построении «коммунистического общества», «арийский миф» национал-социализма, мифологизация фигур вождей), в массовом сознании (мифы общества потребления, описанные Ж. Бодрийяром) [4. С. 12–13] мифологии обывательского сознания, описанные Р. Бартом) [2].

Ремифологизация проявляется, с одной стороны, в мотивах обращения к «архаической традиции» (как бы ни тематизировалась последняя) в качестве «золотого века, прекрасного прошлого» [5. С. 420]. С другой стороны,

ремифологизация – это оперирование содержательными (сюжетными, архетипическими, образными) мифологическими заимствованиями в различных планах и всевозможных аспектах, во всем многообразии артефактов, и порождающих новые модификации мифологем [б. С. 13–14].

Шаблоны, стереотипы, профанные рутинные практики и не осознаваемые в своей актуальной архетипичности лейтмотивы, многообразие рудиментов мифического содержания образуют «осадочные породы прошлого» в любой эпохе. Характерны они и для нынешнего века «информации» и «аудиовизуального взрыва». Широкая представленность мифоподобных конструкторов, манипулятивные технологии, использующие квазимифологические и псевдоархетипические образы в информационно-коммуникативном пространстве, виртуализация социальной реальности, эксплуатирующая эрзац-мифологемы – все это обостряет вопрос о понимании сути столь сложного феномена, как мифическое.

Миф многолик – он, как правило, эксплицитно повествовательный объект, но в то же время может имплицитно предстать в ипостаси визуально-иконической репрезентации, при этом миф подразумевает единство с ритуально-практическим осуществлением и поддержанием «живого опыта традиции». Кроме того, миф может рассматриваться как почва образцов и нормативных социокультурных практик самоидентификации, обретения идентичности – как партиципаторной, так и персональной. Мифология – и матрица производства значений традиции мироистолкования, принцип миромоделирования, и тип коммуникации.

Мифологические конструкторы обнаруживаются в коммуникативной циркуляции перцептивно-аффективных образов и концептов «бытия-как-целого», во множественности систем суггестивных коннотаций и особых форм номинаций (имена собственные, персонифицирующие сущее). Интерференция фаз «демифологизации – ремифологизации» в культуре иллюстрирует неизбежность смены критической де(-кон)струкции утверждений предшествующей парадигмы – новым мифогенным утверждением

Б. Идентичность – самоощущенность, горизонт социально-психологических характеристик, в рамках которых индивид чувствует себя и действует как единое целое в изменчивом мире – эта важнейшая ментальная структура претерпевает кризис, и всё из-за нестабильных новых условий.

Идентичность имеет два измерения. Первое – персональная идентичность, Я – самоидентификация во времени («я могу в темпоральном потоке распознавать некоторую последовательность состояний сознания, переживания, восприятия как собственные»). Современный человек имеет проблемы именно с персональной идентичностью («Кто я? Откуда? Куда иду?»)

Второе измерение – групповая (партиципаторная) Мы-идентичность. Здесь важнейшей составляющей выступает со-участие, вовлеченность в группу (причем не по функции, а по признаку «свои – чужие», «мы – здесь, они – там»). Мы-идентичность также имеет темпоральный аспект – вхождение в группу, пересечение границ, ритуалы инициации, маркеры принадлежности – знаковые, дискурсивные, поведенческие.

Современная идентичность – **перформативная** во многом (конструируется, но не сознательно, а в модусе экстинтности [7. С. 9], ленты Мёбиуса, внешнего-внутреннего взаимодействия).

Отношение человека ко времени, преодоление «ужаса временности» своего бытия, темпоральности как всепоглощающего потока, ведущего к смерти, тлену, издавна связываются с функцией мифа. Мифы – культурные императивы и жизненные сценарии, фреймирующие и моделирующие наше настоящее, прошлое и, главное, будущее, смягчая его опасную неопределённость. Мифы – габитусы, инкорпорированные в структуру субъективности, истории, ставшие его «природой». Отношение к самому себе, память, история становления Я, само-понимание – это и определяет нашу идентичность как опыт переживания, «себя самого». Формы жизни – как коллективные, так и индивидуальные – определяются мифологической основой, традицией, тем, что относится во многом к фольклору и постфольклору. Фольклорная традиция имеет отношение к тому, что либо табуировано, либо не рефлексится в качестве формы жизни, будучи в коллективном бессознательном. Но они нуждаются в именовании, так как играют важную социальную роль. Репертуар социальных ролей, комбинация поведенческих стереотипов у каждого человека задаются базовой парадигмой или моделью, т.е. мифологической матрицей.

В. Мальчишество – тема, затрагивающая демографические аспекты формирования образа мальчика (младенца, отрока, подростка, юноши). Все эти образы **имеют мифологическую составляющую**.

Во-первых, она связана с **мифологией детства** и мифом как «детством сознания». Детство – как особый мир выделяется недавно – со времен Руссо [8]. Ранее ребенок понимался как «недо-взрослый». В настоящее время «детство» как категория переосмысливается: либо оно пребывает в кризисе, ибо детство – пора невинности и неведения, но в связи с развитием информационных технологий и пространства массовых коммуникаций современные дети столь рано знакомятся с «табуированными темами» (сексуальность, насилие и т.д.), что пересечение символической границы между детством и взрослостью сдвигается в этом отношении во все более ранний возраст. С другой стороны, инфантилизация сознания в обществе потребления, напротив, раздвигает границы «детскости». Социализация, длящаяся всю жизнь, все более продолжительный период учебы и отодвигание возраста вступления во взрослую ответственную жизнь превращают современного тридцатипятилетнего человека – в вечного «мальчика» (синдром Питера Пена).

Во-вторых – мифология **гендера**, связанная со становящейся маскулинностью и обрядами перехода, пересечения границ не возрастных, но социальных («не хнычь, как девочка, ты же мальчик», «слова не мальчика, но мужа...», «армия – посвящение для настоящего мужика, как роддом – для бабы»). Культурный плюрализм отражается в богатом репертуаре гендерных маркировок мужского и, соответственно, связан с многообразием моделей маскулинности, воспринимаемых в качестве «своих – чуждых». Стереотип доминирующей или гегемонной маскулинности – сильный, сдержанный, обладающий властью, неуязвимостью, «крутой», успешный – идеологизированная реализация в качестве нормы лишь одной мифологической структу-

ры. Поскольку миф – этот «политеизм воображения», по выражению Шеллинга, издревле предлагает множественность моделей маскулинности. Мальчик – герой, становящийся мужчиной, это – эталонная модель. Но мужчина – это не только Воин, Властитель, но и Герой-демиург, и Отец, и Хозяин, и Трикстер, и Нарцисс, и Андрогин. В современной социокультурной ситуации ослабления традиционных патриархальных идеологических норм мы видим реализацию различных моделей маскулинности или их сочетания. Гендерные дифференциации, изменчивость моделей маскулинности/феминности обусловлены культурными особенностями и могут весьма сильно различаться от культуры к культуре, от эпохи – к эпохе. Весьма важным является также контекст абсолютизации либо релятивизации противопоставления мужского/женского (что первично – эта бинарность либо общечеловеческий контекст?).

В-третьих, она связана с мифами **массового сознания и массовой культуры**, с паттернам коллективного бессознательного, актуализированными в эпоху глобализации, клипового мышления, инфантилизации массовой культуры, Это связано и с теми формами коммуникаций, которые оказывают значительное влияние на формирование идентичности – виртуальный мир игры, социальных сетей и постфольклорных форм (анонимных мемов, виртуальных/игровых идентичностей, аудио-визуальных практик самоидентификации, субкультурных кодов и дискурсов). Актуализация постфольклорных стратегий идентификации (интернет-коммуникации, пространство анонимной «аудио-визуальной молвы», мемов, игровых идентичностей) рассматривается как фоновое условие формирования гендерной идентичности. Мифологические составляющие «множественной» идентичности современного мальчика (подростка, юноши) рассматриваются в качестве конституирующих базовые смысло-жизненные установки, задающие стили жизни и экзистенциального самоосуществления, организующие субкультурные практики, дискурсы и ритуалы.

Литература

1. Тоффлер Э. Шок Будущего. М.: АСТ., 2002.
2. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008.
3. Осаченко Ю.С. Структура мифического: констелляция как конфигурация опыта сознания // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2 (26). С. 41–48.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.
5. Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век // Избранные статьи. Воспоминания / отв. ред Е.С. Ноник, М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998.
6. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000.
7. Лакан Ж. Семинары книга 11. Четыре основные понятия психоанализа. (1964). М.: Гнозис/Логос, 2004.
8. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. / под ред. Г.Н. Джибладзе; сост. А.Н. Джуринский. М.: Педагогика, 1981. Т. 1: Эмиль, или О воспитании.

Osachenko Julia S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: july11@list.ru

DOI: 10.17223/1998863X/38/28

MYTHOLOGICAL ASPECTS OF CONTEMPORARY CONFIGURATIONS OF BOYISH IDENTITY

Key words: myth, mythological consciousness, childhood, boyhood, identity

Myth is a form of experience of understanding representing the world as a unity. And the unity becomes as a comprehend existence. Mythologemes (symbols) and mythologies are presented here as cultural imperatives and life scenarios. The myth refers to construction of personal and collective identity. These cultural imperatives and life scenarios are modeling our past, present and, the foremost, our future by moderating its critical uncertainty. The identity is a self-relation, the unity of understanding of an inner man. A man as part of it feels and acts as a unity in the inconstant world. We have a crisis of personal and collective identity today. This identity is performative. Life forms are determined by mythological basis, tradition or something from folklore and post-folklore. (In one hand the folklore tradition refers to things being under taboos. In other hand it could be unreflect in unconscious collective.) These life forms needs to be named because of great importance in social matter. A mythological matrix creates a combination of behavior stereotypes and variety of social roles. The boyhood is a subject that refers to demographic aspects of boy image forming (as baby, child, teenager and youth). All the images comprehends a mythological aspect. Firstly, the subject of boyhood is connected with mythology of childhood and myth as a 'childhood of conscious'. Secondly, its connected with the mythology of gender and thus with growing masculinity and rites of crossing social borders. And thirdly the subject of boyhood is connected with myths of mass conscious, mass culture and patterns of unconscious collective.

References

1. Toffler, E. (2002) *Shok Budushchego* [Shock of the Future]. Translated from English by E. Rudnev. Moscow: AST., 2002.
2. Bart, R. (2008) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from French by S. Zenkin. Moscow: Akademicheskij proekt.
3. Osachenko, Yu.S. (2014) Ontological structure of mythical experience: The constellation as a dynamic configuration of consciousness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy. Sociology. Political Science.* 2(26). pp. 41–48. (In Russian).
4. Baudrillard, J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer Society]. Translated from French by E. Samarskaya. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya.
5. Meletinskiy, E.M. (1998) *Izbranye stat'i. Vospominaniya* [Selected Articles. Memories]. Moscow: Russian State University for humanities.
6. Eliade, M. (2000) *Aspekty mifa* [Aspects of the myth]. Moscow: Polyarnaya zvezda.
7. Lacan, J. (2004) *Seminary. Kniga 11. Chetyre osnovnye ponyatiya psikhoanaliza* [Seminars. Book 11. Four basic concepts of psychoanalysis]. Translated from French. Moscow: Gnozis/Logos.
8. Rousseau, J.-J. (1981) *Pedagogicheskie sochineniya: v 2 t.* [Pedagogical works: in 2 vols]. Vol. 1. Translated from French. Moscow: Pedagogika.